

Б.В.Ананьич, В.М.Панеях
ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ «СОАВТОРСТВО»
(К выходу в свет сборника документов
«Академическое дело 1929-1931 гг.». Вып.1)¹

Нас отделяет шестьдесят с лишним лет от событий 1929-1931, когда в Ленинграде готовился один из крупных политических процессов над представителями научной интеллигенции, преимущественно людьми гуманитарных профессий. Его жертвами стали четыре академика — известные историки С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, пять членов-корреспондентов и около ста сотрудников академических учреждений. В результате этого процесса были осуждены 115 человек, однако общее число арестованных по «Академическому делу» было значительно большим. Процесс носил закрытый характер, его материалы до сих пор хранятся в ведомственном архиве Управления Федеральной Службы контрразведки по Санкт-Петербургу и области и сравнительно недавно стали доступны исследователям. Только в последние годы начали появляться научные статьи, посвященные «Академическому делу». Одним из пионеров в его изучении был Ф.Ф.Перченко. Его статьи стали важным событием в познании и осмыслении одной из самых трагических страниц в истории отечественной науки².

После издания в конце 1993 первого выпуска «Академического дела» в руках исследователей оказался совсем новый источник. Его особенность состоит в том, что как документ, возникший в недрах одного из самых могущественных ведомств существовавшего режима, он в полной мере отражает порядки и нравы, царившие в ОГПУ и связанных с ним правительственных структурах. В этом прежде всего состоит значение опубликованных документов. Разумеется, они заслуживают изучения и с точки зрения достоверности сообщаемых в них фактов. Однако при подготовке к опубликованию корпуса документов первого выпуска и

¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993 (далее — Академическое дело 1929-1931 гг.).

² Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991; Его же. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. №4.

предисловия ко всему изданию «Академического дела» мы вынуждены были отказаться от комментирования источника, представляющего собой несомненную фабрикацию с незначительными вкраплениями достоверных сведений. Выделение их из общей массы лжи путем постеранного комментирования при уровне нашей сегодняшней осведомленности в обстоятельствах, связанных с ходом следствия, не может быть эффективным и даже таит в себе некую опасность, ибо указание на ложность того или иного факта из следственных показаний автоматически предполагает достоверность всего остального. Однако опубликованные материалы позволяют представить хотя бы в общих чертах процесс фабрикации обвинения, а это важно не только для характеристики методов работы ОГПУ, но и для понимания поведения, роли и положения подследственных в этом процессе.

К сожалению, в некоторых статьях и воспоминаниях, посвященных истории «Академического дела», делаются попытки сравнительной характеристики поведения подследственных, а затем и поспешные выводы о том, кто лучше или хуже вел себя во время следствия или кто кого «оговорил». В результате участники «Академического дела» становятся как бы объектом повторного суда, а преступная деятельность организаторов расправы над наукой остается в тени. Стравливание невольных участников «Академического дела» как раз входило в задачу тех, кто вел следствие, и было одним из приемов его фабрикации, но, разумеется, не единственным³.

Предыстория «Академического дела» во многих отношениях не менее важна, чем следственные протоколы и собственноручные показания арестованных ученых. Она дает возможность выявить инициаторов процесса, роль различных руководящих партийных структур — прежде всего Политбюро ЦК ВКП(б). Становится понятен механизм превращения служебного расследования в секретное партийное разбирательство (с газетной травлей), результатом которого стало карающее решение, реализованное органами ОГПУ.

Все началось с так называемой архивной истории 1929 года, когда во время «чистки» учреждений АН СССР комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции под председательством Ю.П.Фигатнера был обнаружен ряд документов, «имеющих большую историко-политическую ценность»⁴ и находящихся в архи-

³ Потому же сомнительным представляется и публикация отдельных фрагментов следственного дела в отрыве от их контекста.

⁴ Стенограмма пленума Правительственной комиссии по чистке аппарата Академии наук 21 октября 1929 г. (Архив Управления Федеральной службы контр-

вохранилища Академии наук, руководители которой якобы скрывали этот факт и противились передаче их в государственные архивы. Именно эта часть предыстории исследована Ф.Ф.Перченком, хотя в процессе работы над публикацией «Академического дела» удалось уточнить некоторые его выводы и установить ряд новых важных деталей. Что же касается документов Политбюро и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, то эти материалы стали доступными, и то лишь частично, уже после того, как Ф.Ф.Перченко написал свои статьи.

Анализ этих документов позволил установить, что по обнаружении «криминальных» материалов, 5 ноября 1929 состоялось заседание Политбюро, где кроме его членов — И.В.Сталина, К.Е.Ворошилова, М.И.Калинина, В.М.Молотова, Я.Э.Рудзутака, А.И.Рыкова и М.П.Томского — присутствовали кандидаты в члены Политбюро и ряд приглашенных лиц, в том числе специально вызванный из Ленинграда Фигатнер, и было принято решение об уголовном преследовании лиц, причастных к «архивной истории»⁵. Тем самым был дан зеленый свет проведению следствия, массовым арестам и фабрикации «Академического дела».

Оставалось приступить к практической реализации этого решения высшего партийного органа, для чего сразу же создается Особая следственная комиссия в составе Фигатнера, Прокурора РСФСР Н.В.Крыленко и двух членов Коллегии ОГПУ Я.Х.Петерса и Я.С.Агранова (последний был начальником Секретно-политического отдела ОГПУ), которая прибыла в Ленинград в конце ноября 1929. Заслушав на первом же заседании в конце ноября или начале декабря информацию «о положении в Академии наук в связи с обнаруженными документами», Особая следственная комиссия принимает развернутое постановление:

1. Комиссия, ознакомившись с материалами предварительного следствия, считает, что /.../ есть основания для возбуждения вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ст.78 (сокрытие документов, имеющих общегосударственное значение).

2. Одновременно комиссия констатирует наличие оснований для дальнейшей углубленной следственной разработки в направлении выяснения связей отдельных лиц, стоявших во главе Академии наук, с белой эмиграцией за рубежом, с некоторыми ино-

разведки по С.-Петербургу и области; далее — Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.16. Л.154; Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХVI).

⁵ Архив Президента РФ. (АП РФ). Ф.3. Оп.5. Д.336. Л.5-5об. (Особая папка); Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХIX.

странными представительствами и миссиями и возможной шпионской (военно-разведывательной) деятельностью в интересах иностранных государств.

3. В связи с этим комиссия считает целесообразным поручить всем членам комиссии ознакомиться с протоколами допросов, которые уже имели место, и допросить следующих лиц: Ферсмана, Ольденбурга, Платонова, Никольского, Срезневского, Рождественского, Андреева.

В области техники проведения следствия и агентурной разработки установить следующий порядок:

- 1) агентурная разработка продолжается силами ОГПУ;
- 2) следствие и разработка производится оперативными работниками ГПУ и на бланке следователя по важнейшим делам при Прокуроре республики под наблюдением областного прокурора;
- 3) уполномоченный ПП ГПУ ЛВО формально прикомандировывается к следователю по важнейшим делам при Прокуроре республики⁶.

Этот важный документ обнаружен в архивном фонде Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в виде правленного чернилами машинописного черновика, из которого оказалась вычеркнута фраза о привлечении к уголовной ответственности и по другим статьям Уголовного кодекса РСФСР: «58¹¹ Платонова, Ольденбурга, Андреева, Никольского, Рождественского» и «ответственных сотрудников АН (организационная деятельность с контрреволюционной целью)», а также «58⁶ (сношения с представителями иностранных государств и буржуазно-общественными группами за границей, враждебно действующих в отношении СССР)».

Из этого документа следует, что предварительное следствие по «Академическому делу» началось ранее конца ноября 1929, то есть до массовых арестов, к которым Полномочное представительство Объединенного политического управления в Ленинградском военном округе (далее ПП ОГПУ в ЛВО) приступило 12 января 1930. О том же свидетельствует постановление от 15 апреля 1930 о мере пресечения для С.Ф.Платонова, где дается номер дела в таком виде: «№ 1803-29 г.», причем «29 г.» вписан от руки (док. 19; здесь и далее номера документов приводятся по «Академическому делу 1929-1931 гг.»). Правда, к моменту подписания постановления Особой следственной комиссии был уже арестован ученый секретарь Археографической комиссии при АН СССР А.И.Андреев (24 октября 1929), но он не относился к числу лиц, стоящих

⁶ ГАРФ. Ф.374. Оп.28. Д.3062. Л.46-47; Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.XXX-XXXI.

во главе Академии, и это еще не обязательно предвещало продолжения арестов, особенно массовых, и фабрикации «дела».

В постановлении Особой следственной комиссии речь идет также об агентурной разработке, которая была проведена до ее заседания и должна была продолжаться в дальнейшем. К сожалению, эти материалы оказались недоступными коллективу, готовившему «Академическое дело» к изданию. Их анализ мог бы прояснить некоторые вопросы, относящиеся к следствию и его предыстории. Впрочем, и сами протоколы, фиксировавшие допросы, с несомненностью свидетельствуют о том, что следователи опирались на какие-то агентурные данные.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что несмотря на имеющееся в постановлении Особой следственной комиссии предписание произвести дальнейшую углубленную следственную разработку в отношении лиц, стоящих во главе Академии наук, она не завершилась их арестом. В вычеркнутой части решения прямо указывается на академика С.Ф.Ольденбурга, длительное время занимавшего ключевой пост неперменного секретаря Академии и лишь 30 октября 1929 отстраненного от исполнения этих обязанностей по распоряжению Политбюро. Не был арестован и академик А.Е.Ферсман, также в результате «архивной истории» лишившийся поста вице-президента Академии наук. Вместе с тем, само следственное дело дает основание утверждать, что усиленно собирались материалы, призванные скомпрометировать этих двух ученых, чтобы арестовать их и включить в число обвиняемых (см. об этом ниже).

Наличные документы не дают ответа на вопрос, почему это намерение не осуществилось. Его нужно искать в тех материалах, которые не были включены в само следственное дело, но которые несомненно существовали. Имеются в виду отчеты ПП ОГПУ в ЛВО руководителям ОГПУ, и, возможно, прокуратуры, резолюции на них, информационные документы, поступавшие из ОГПУ в высшие партийные инстанции, и инструкции последних, направляемые в ОГПУ. К сожалению, и эта часть «дела» оказалась недоступной для публикаторов.

Впрочем, имеются косвенные свидетельства наличия в архивах некоторых материалов подобного рода. Так, в Особой папке Политбюро хранятся его решения по почти ежемесячно (или иногда чаще) включаемому в течение 1930 и 1931 в повестку дня заседаний вопросу «Об Академии наук»⁷. Более того, 25 января 1930,

⁷ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.3. Д.771, 772, 774, 777 и т.д.

когда уже были арестованы А.И.Андреев (24 октября 1929), Н.В.Измайлов (13 ноября 1929), С.В.Рождественский (1 декабря 1929), А.А.Петров (14 декабря 1929), С.Ф.Платонов (12 января 1930), А.М.Мерварт (13 января 1930) и ряд других ученых, Политбюро при рассмотрении в очередной раз этого пункта повестки дня принимает решение: «Поручить Секретариату ЦК утвердить инструкцию»⁸. Вполне допустимо, на наш взгляд, предположение, что речь идет об инструкции, адресованной ОГПУ по поводу ведущегося следствия.

Представляет интерес и причина вычеркивания в черновике постановления Особой следственной комиссии ст. 58¹¹ и 58⁴, по которым первоначально предлагалось привлечь к уголовной ответственности группу ученых и которые наряду с другими пунктами ст. 58 (п.5, 6, 10, 14) фигурировали через три месяца, 14 марта 1930, в постановлении о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого (док.16) и еще через месяц, 15 апреля 1930, в постановлении об избрании меры пресечения (док.19). Не исключено, что Особая следственная комиссия ждала указаний из Политбюро, которые поступили позже — в виде упомянутой выше инструкции Секретариата ЦК ВКП(б). Но уже до ее появления, в постановлении от 13 января 1930 о производстве обыска у С.Ф.Платонова и его задержании (док.2) речь идет о подозрении «в том, что он является руководителем подпольной контрреволюционной организации» (но без указания статей УК РСФСР). Что же касается обвинения по ст.78, то оно сразу же, как видно, отпало даже в качестве повода для ареста, и следствие пошло по пути принуждения к даче показаний для обвинения по почти всей шкале ст.58. Тем самым оно осуществлялось по той части сценария, которая первоначально была вычеркнута из постановления Особой следственной комиссии. Ею был намечен только лишь общий ориентир, по которому предписывалось двигаться уже начавшему следствию ПП ОГПУ в ЛВО.

Все следственное дело С.Ф.Платонова, кроме официальных документов, исходящих от следственных органов, и анкет (док.1-7, 16, 19), в основном состоит из собственноручных показаний, протоколов допросов, протокола очной ставки, а также двух достаточно пространных заявлений, адресованных в Коллегию ОГПУ. Обращает на себя внимание значительное отличие показаний от протоколов — по лексике, оборотам речи, построению фраз. Уже одно это свидетельствует о неадекватности записей

⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.774. Л.5; АП РФ. Ф.3. Оп.7. Д.254. Л.1, 5 (Особая папка); Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.XXXII.

в протоколах действительным ответам С.Ф.Платонова. Существенно и то, что если в течение первых семи месяцев в протоколах его рукой делались уточнения, вставлялись отдельные слова, то впоследствии С.Ф.Платонов и не пытается это делать, убедившись, вероятно, в их бесполезности.

Необходимо отметить также, что протоколы носили характер произвольно скомпонованных достаточно кратких резюме допросов подследственного в форме его монологов, без записи задаваемых вопросов, содержание которых, впрочем, иногда можно установить. Само собой разумеется, что протоколы писались после, а не во время допросов. Такая форма протоколирования позволяла следователям фальсифицировать суть сказанного, искажать ответы. Да и сама лапидарность протоколов не могла отразить всех нюансов сказанного. К тому же все протоколы состоят из признаний, утверждений, разъяснений, уточнений С.Ф.Платонова, но в них редко фиксировались его ответы, державшие отрицание какого-либо действия или приведенного в вопросах следователя «факта». Нет в протоколах и указаний на время проведения допроса и его длительность.

Первоначально крупные работники ПП ОГПУ в ЛВО, непосредственно ведшие следствие (далее — следователи), интересовались такими вопросами, которые лишь косвенно относились к предъявленным позже обвинениям. Так, в первом собственноручном показании С.Ф.Платонова, данном уже на следующий день после ареста, 13 января 1930 (док.7), речь идет прежде всего о документах, обнаруженных в архивах Академии наук, позиции президиума Академии в вопросе об архивах, о группировках среди академиков (и отдельно о «группе акад. Истрина»), о их позиции во время довыборов академиков в феврале 1929. Лишь в конце этого показания появляются сюжеты, которые позднее следователи будут разрабатывать со все большей интенсивностью: о поездках С.Ф.Платонова за границу и встречах там с французскими и немецкими учеными и русскими эмигрантами, жившими во Франции.

В проведенном на следующий день, 14 января, допросе (док.8) следователь интересовался политическими убеждениями С.Ф.Платонова, его политической позицией в дореволюционный период, отношением к существующему строю.

Заявление С.Ф.Платонова, что он по политическим убеждениям монархист и «со многими положениями существующего строя не согласен» (хотя и признает нынешнюю власть), давало следователям в дальнейшем возможность путем подтасовок и давления конструировать монархический заговор. Здесь же воз-

никают два новых сюжета, также ставших впоследствии доминирующими: связь с германским и польским консулами; неформальные кружки («молодых историков», А.И.Заозерского, А.Н.Насонова и др.), которые существовали в 1920-х годах в Ленинграде, в соответствии с дореволюционной традицией. Характерно, что в протоколе допроса кружки названы нелегальными, хотя о их существовании было широко известно в ученых кругах Ленинграда.

В следующем допросе, 15 января (док.9), следователь возвращается к политическим воззрениям С.Ф.Платонова. Выясняется, что он считает «диктатуру рабочего класса переходной стадией к демократическому строю» («по типу Франции, Англии, Германии»), в основе которого — «свобода почина, свобода личности». Вместе с тем, следователь делает следующий шаг в оценке положения в Академии, вписывая в протокол допроса фразу о «деятельности реакционно-монархической, организационно-действующей группы в период самих перевыборов». Она к тому же способствовала комплектованию штатов Академии из лиц, «которые являлись в большинстве своем антисоветски настроенными». Затем следователь снова возвращается к деталям, связанным с существованием неформальных кружков, опять названных в протоколе нелегальными.

Во время допроса 17 января (док.10), в протоколе фигурируют уже не группы внутри Академии, как об этом писал сам С.Ф.Платонов в своем первом собственноручном показании и как зафиксировано в протоколе предыдущего допроса, а Центр, состоявший из академиков, входивших в разные группы, который противодействовал «всем начинаниям существующего правительства» и создавал семинарии, кружки, группы и прочие объединения нелегального порядка «для обработки научной молодежи»⁹. Так следствие шаг за шагом вело дело к фабрикации «контрреволюционной антисоветской организации». Но до формулирования и предъявления С.Ф.Платонову обвинения оставалось еще два месяца.

Пока же следствие закрепляло в своих протоколах его допросов те сведения, которые были зафиксированы ранее, постепенно дополняя их важными для фабрикации «фактами». В этом отношении показателен протокол допроса 24 января (док.11). С.Ф.Платонов подтверждает «предыдущие показания об эволюционном движении страны к демократически-республиканскому строю», и сразу же в протокол вписывается вторая часть фразы:

⁹ В показаниях академика Е.В.Тарле от 11 и 14 февраля 1930 появляется тема «Академического центра», но как части контрреволюционной организации (Архив УФСБ по СПб. и обл. П-65245. Т.2. Л.22, 25об.).

«/.../ считаю: конституционно-монархический строй возможен лишь при интервенции иностранных государств». Казалось бы, имеет место явное противоречие. Но ведь протоколы писались, как было отмечено выше, не в процессе допросов и не в форме чередующихся вопросов и ответов, а как монологи подследственного. Поэтому приведенная фраза Платонова может представлять коллаж из показаний, сделанных в ответ на по-разному поставленные вопросы. Они легко восстанавливаются при внимательном чтении протокола. Одно дело — убеждение самого подследственного; оно выражено в первой части фразы. Другое — ответ на вопрос, поставленный в гипотетической форме, при каких условиях возможно установление конституционно-монархического строя. С.Ф.Платонов ответил столь же гипотетически. Следующий вопрос мог быть поставлен о том, какая кандидатура соответствовала бы требованиям для занятия престола. Следователь записывает ответ: Андрея Владимировича «считаю /.../ соответствующей, т.к. он имеет военно-юридическое образование». Характерно, что рукой самого С.Ф.Платонова в протокол перед словом «соответствующей» вставлено слово «формально», и этим подчеркнута теоретическая, а не практическая возможность, которую С.Ф.Платонов стремился бы реализовать. Но и в таком виде этот ответ может служить ступенью к тому, чтобы приписать С.Ф.Платонову в дальнейшем стремление к восстановлению монархии. Тем более, что вслед за тем снова гипотетически обсуждается состав будущего правительства. Можно уверенно утверждать, что включенные в протокол имена будущих министров не были названы самим С.Ф.Платоновым, а предлагались следователем для обсуждения. Ответ сформулирован в протоколе так: «Министрами по своей значимости со всех точек зрения, при такого рода правительстве могут быть: Коковцов, Крачковский — министр труда, как человек весьма подходящий для этой роли, и Тарле — министром иностранных дел, как человек, интересующийся общественно-политическими вопросами и имеющий связь с заграницей».

Такого рода запись вполне достаточна, чтобы следователь, ведший допросы Е.В.Тарле, сообщил ему, что С.Ф.Платонов намечал его, опираясь на его согласие, в правительство, которое будет сформировано после контрреволюционного переворота. Безусловно, эта фраза из протокола была сообщена при первом же допросе Е.В.Тарле, арестованному четыре дня спустя (28 января 1930)¹⁰.

¹⁰ См. слова Е.В.Тарле в письме жене: «/.../ св[олочь] Пл[атонов]» (См.: Каганович Б.С. К биографии Е.В.Тарле // Отечественная история. 1993. №4. С.89).

Подобные же «факты» фабриковались при допросах других, изолированных друг от друга, арестованных ученых, что позволяло предъявлять каждому из них «свидетельства» нескольких подследственных. В сочетании с психологическим давлением, угрозами арестовать родных и близких (даже малолетних детей) или применить жестокие санкции к уже арестованным родственникам (две дочери С.Ф.Платонова были арестованы вместе с ним и содержались в неизмеримо более тяжелых условиях), сознанием безысходности, такого рода «свидетельства» рано или поздно, но в конечном счете приводили к тому, что подследственные давали нужные властям показания и шли на вынужденное, пока неосознанное, «соавторство» со своими следователями. Тем более, что следователи их предупреждали, чтобы они не надеялись на открытый суд, поскольку принято решение судить их на Коллегии ОГПУ¹¹.

Что же касается самого С.Ф.Платонова, то следователи пока продолжали по отношению к нему ту же тактику провоцирования неосознанного «соавторства». Так, еще в своем первом собственноручном показании (13 января 1930) он указал на то, что во время поездки 1924 в Германию «виделся с профессором Гетчем — членом прусского парламента» (док.7). На допросе же 24 января С.Ф.Платонов, отвечая, безусловно, на прямо поставленный вопрос, сообщил: «Мне известно, что Гетч являлся лидером национальной партии Германии» (док.11). А в протокол допроса 31 января (док.12) следователем записывается фраза, которая звучит в контексте других сведений уже «криминальной»: «Моя связь с лидером национальной партии Германии, кандидатом в канцлеры Гетчем началась с 1907 г., когда он был уже профессором Берлинского университета. Связь порвалась на время войны с Германией, возобновясь в 1924 г. /.../ Для меня вероятно, что Гетч, будучи политическим деятелем национальной партии Германии в настоящее время, отношения ко мне строил исходя из интересов германского правительства». При этом первоначально вместо слова «вероятно» рукой следователя было написано «ясно», но С.Ф.Платонов сам внес исправление.

Во время того же допроса в протоколе фиксируется признание С.Ф.Платонова в «германофильстве», о котором он дал «точные и откровенные показания» раньше. Но в предыдущих показаниях об этом речи не было! Тех же воззрений якобы придерживаются и его единомышленники, «например, Тарле, Андреев Александр Игнатьевич и др.».

¹¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХХVII.

Здесь же читаем фразу о том, что С.Ф.Платонов и его единомышленники после февральской революции 1917 считали необходимым установление «конституционного строя во главе с твердой властью, основанною на демократических началах при одной главе государства (не династии)». При этом слова, взятые в скобки, вставлены рукой С.Ф.Платонова, который в ходе допросов, очевидно, понял, что ему может быть предъявлено обвинение в стремлении реставрировать монархию (вопреки таким косметическим поправкам, так вскоре и произошло). Теми же соображениями руководствовался, по-видимому, С.Ф.Платонов, когда, подтверждая свои предыдущие показания «о беседах, обсуждениях вопросов, связанных с возможностью конституционного строя во главе с твердой властью как конечной формой, более соответствующей интересам нашей страны», в продолжение этой фразы внес исправление: «...признаю, что о кандидатуре Андрея Владимировича на престол *в порядке частной беседы* говорилось» (слова, набранные курсивом, вместо «обсуждались и»). Но и этого для следователей на первых порах было достаточно. Недаром в машинописной копии протокола именно данная фраза оказалась подчеркнутой красным карандашом.

Во время допроса 25 февраля (док.14) следователь продолжал выяснять детали заграничных поездок С.Ф.Платонова и его встреч с российскими эмигрантами и зарубежными политическими деятелями, а также учеными. Эта тема продолжена и в собственноручном показании С.Ф.Платонова от 14 марта (док.15), где он писал о связях с близко ему знакомыми русскими учеными, проживающими вне Ленинграда: «Богословский (умер), Любавский, Готье, Егоров, Яковлев, также Рязанов, отчасти Полосин и Ульянов в Москве, Бузескул в Харькове, Маркевич в Крыму».

В тот же день было подписано Постановление о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого по ст. 58⁴, 58⁵, 58⁶, 58¹⁰, 58¹¹, 58¹⁴ УК РСФСР (док.16). Согласно постановлению, начальник 2 отделения секретного отдела А.А.Мосевич, «допросив гр-на Платонова /.../ и рассмотрев следственный материал на него», счел, что «гр. Платонов достаточно изобличается в том, что активно участвовал в создании и возглавлял контрреволюционную монархическую организацию, ставившую своей целью свержение советской власти и установление в СССР монархического строя путем склонения иностранных государств и ряда буржуазных общественных групп к вооруженному вмешательству в дела Союза». Обращает на себя внимание частичное противоречие между этой частью постановления и конкретизацией предъявленного обвинения: а) организация сети нелегальных контрре-

волюционных кружков, занимавшихся антисоветской пропагандой и созданием антисоветских кадров; б) контрреволюционный саботаж со специальной целью ослабления власти советского правительства; в) оказание помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению советской власти; г) собиране и передача сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государством тайной, иностранным государствам».

Эта конкретная часть постановления не вытекает, как нетрудно убедиться, из показаний и допросов С.Ф.Платонова, предшествовавших постановлению. Впрочем, оно не дает ответа на вопрос, на основе какого дознания сформулировано обвинение — самого С.Ф.Платонова или всей совокупности дознаний, в том числе других привлеченных по этому делу лиц. И наконец, может быть самое главное: речь идет только о дознании, т.е. показаниях, а не о текстах программ, протоколов заседаний, о существовании которых говорили некоторые арестованные ученые, но нигде в следственном деле нет и намека на проверку подобных сведений: ни протоколов обысков в тех учреждениях, где якобы они хранились, ни актов выемки важных вещественных доказательств.

Поразительно, но в следственном деле нет и протокола допроса С.Ф.Платонова Мосевичем. Может быть, это только ритуальная фраза постановления; не исключено, впрочем, что допрос был, но противоречил приведенным в постановлении обвинениям, почему не оказался включенным в дело.

Вообще, кроме официальных, зафиксированных в протоколах следственных действий, арестованные ученые постоянно подвергались давлению, так сказать, в неофициальном порядке; они вызывались к следователям, и эти допросы никак не фиксировались, им угрожали, требуя признаний в несовершенных преступлениях. Эта сторона процесса отражена в мемуарах отбывших свой срок заключения ученых (например, Н.П.Анциферова, С.В.Сигриста и Н.С.Штакельберг).

Но и в самом следственном деле С.Ф.Платонова обнаруживаются следы такой обработки. Так, почти через месяц после подписания постановления о его привлечении в качестве обвиняемого, 12 апреля 1930, С.Ф.Платонов делает заявление следователю (док.17), где пишет, что «хотел бы говорить с обоими следователями: т.Жупахиным и т.Степановым». Однако до сих пор допросы вел и подписывал их протоколы только заместитель начальника секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в ЛВО Жупахин, а начальник секретного отдела ПП ОГПУ в ЛВО М.А.Степанов стал подписывать протоколы, то есть официально вклю-

чился в следственный процесс позднее. Как видно, именно он вызывал к себе С.Ф.Платонова помимо Жупахина, но эти следственные действия не отразились в деле. Хотя постановление о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого датировано 14 марта 1930, ему оно было объявлено то ли 28 марта (согласно его подписи на самом постановлении), то ли 20 марта (по его утверждению, в начале собственноручного показания от 12-14 апреля, док.18). Так или иначе, это было сделано почему-то не сразу. Из заявления С.Ф.Платонова от 12 апреля, содержавшего просьбу по состоянию здоровья «вернуть /.../ в лазарет» (док.17), становится ясно, что после 14 марта он уже был помещен в тюремный лазарет. Не будет беспочвенной догадкой предположение о связи между предъявлением обвинения семидесятилетнему без малого ученому и ухудшением состояния его здоровья. Этим и можно объяснить месячный перерыв в следственных действиях.

Нам неизвестно, была ли выполнена просьба С.Ф.Платонова, но в тот же день, 12 апреля, он начинает и 14 апреля завершает большие собственноручные показания (док.18), в которых категорически и мотивированно отвергает все предъявленные ему обвинения.

Снова, не отрицая свою приверженность монархическим взглядам, С.Ф.Платонов заявляет, что, по его убеждению, «роль династии сыграна и историческое преемство невозможно». Кроме того, с апреля-мая 1918 он «вошел в разумение совершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве», хотя остается немарксистом и всею в политике партии не может сочувствовать, считая ее «курс рискованным». Само собой разумеется, С.Ф.Платонов отрицал связь с германской разведкой, в которой его обвинили следователи (это обвинение ни в каких документах пока не было зафиксировано). Из тех же собственноручных показаний С.Ф.Платонова становится ясным, что обвинение в передаче сведений, «являющихся по своему содержанию специально охраняемой государством тайной, иностранным государствам», основывается, в частности, на факте отправки немецкому профессору Брауну карты Горного Крыма. Но, возражает С.Ф.Платонов, «карты того же масштаба давно изданы в историях Крымской войны и никакого секрета не представляли».

Вместе с тем, больной и измученный долгим заключением С.Ф.Платонов впервые допускает возможность существования антисоветской организации, но отрицает свою причастность к ней, не говоря уже о руководстве ею и доставке для нее денег из-за границы: «Не могу объяснить, ни самому себе представить, кто и зачем привязал меня к этому делу и орудовал моим именем.

Может быть, рассчитывали на то, что мой личный авторитет и звание академика могут, с одной стороны, влиять на вербовку членов и успех дела, а с другой стороны, дадут ему иммунитет».

12-14 апреля С.Ф.Платонов впервые касается и содержания сообщенных ему показаний других ученых, арестованных по тому же делу. Так, Платонов отрицает сообщение Е.В.Тарле о том, что он «в Париже "говорил с Коковцовым и Маклаковым" по делам организации, к которой Тарле принадлежал». Отрицается им также сообщенное в устной форме показание Н.В.Измайлова, зятя С.Ф.Платонова («это не автограф») о имевшем место разговоре, касающемся желательности иностранной интервенции: «В той форме, как разговор передан следователем /.../ он слишком наивен и неумен для "официального" сообщения». И все же С.Ф.Платонов не может игнорировать это сообщение вовсе и вынужден признать возможность такого разговора, хотя «его предметом могли быть только обывательские толки», но по его убеждению, никто не мог «считать интервенцию благом».

Предъявление компрометирующих показаний — излюбленный прием следователей ОГПУ для принуждения к признанию справедливыми выдвинутых обвинений. Так же, как было предложено выше, поступили и с Е.В.Тарле, которому безусловно рассказали о том, что С.Ф.Платонов намечал его кандидатуру на министерский пост. Теперь же полномасштабного вынужденного «соавторства» С.Ф.Платонова со следователями ОГПУ оставалось немного времени. Чтобы принудить к этому, нужно было предъявить новые признания близких С.Ф.Платонову лиц из числа арестованных¹².

Вместе с тем следователи уловили момент, когда нужно усилить нажим, и несколько допросов (26-27 апреля, 3, 19 мая 1930) стали вести вдвоем. Допрос, датированный двумя числами, 26 и 27 апреля (док.20), касался контактов С.Ф.Платонова с немецкими учеными и германским консулом в Ленинграде. В самом конце протокола записан ответ С.Ф.Платонова на вопрос о его роли в контрреволюционной организации: «/.../ должен сказать, что существование такой организации с хотя бы написанным уставом, президиумом, организационной связью участников, определенной

¹² Это не специфика дела С.Ф.Платонова. Следователи, составляя протоколы допросов, вписывали в них двусмысленные обороты речи, звучавшие как бы полу-признанием. Затем они в препарированном виде сообщались другим подследственным, которые под давлением этого и иных факторов (условий содержания в ДПЗ, угроз, осознания своей беззащитности, безысходности) постепенно начинали «сознаваться» в несовершенных преступлениях, тем самым идя на вынужденное «соавторство».

программой и пр. я отрицаю. Я не знаю, что называют организацией Рождественский, Андреев, Тарле, показания которых мне зачитаны». В то же время С.Ф.Платонов вынужден был признать: «В кругу, в котором я вращался, были контрреволюционные разговоры, были неоднократно разговоры и об интервенции, которые более или менее полно излагает Измайлов в своих показаниях, которые мне зачитаны /.../ Однако я отрицаю их заговорщический характер. Это были разговоры обычного обывательского характера». Как видим, весь этот допрос опирался на предъявленные С.Ф.Платонову компрометирующие его показания других арестованных по «Академическому делу».

Во время допроса 3 мая (док.21) следователи добивались признания С.Ф.Платонова в том, что он участвовал в обсуждении вопроса о претендентах на престол. И снова они ссылались на показания других лиц. С.Ф.Платонов, судя по протоколу, рассказал о хождении в Академии ряда контрреволюционных прокламаций, среди которых — и обращение великого князя Кирилла Владимировича, сданное по прочтении в Рукописное отделение БАН. Но ознакомившись с протоколом, собственноручно вписал в его конец фразу, содержащую отрицание: «"Обсуждения" вопроса о претендентах на престол не было. Мог быть только простой разговор». Затем С.Ф.Платонов уточнил обстоятельства визита к нему германского консула Цейхлина, которому было заявлено о желательности вмешательства западноевропейских ученых, чтобы предотвратить разрушение и гибель Академии, опасность которой он связал с возмутительными приемами ее «чистки». Факт встречи ряда московских ученых при участии С.Ф.Платонова на квартире проф. Д.Н.Егорова с двумя немецкими учеными (Гетчем и Ионасом) был интерпретирован в протоколе допроса как «неофициальное совещание».

Допросу 19 мая (док.22), очевидно, придавалось особое значение, так как в нем принял участие начальник Секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в ЛВО В.Р.Домбровский, в Ленинграде непосредственно руководивший всем следствием по «Академическому делу». Совершенно очевидно, что С.Ф.Платонову снова сообщили ряд компрометирующих его «фактов», ставших известными в результате допроса А.И.Андреева. Так, на иезуитски поставленный вопрос, «из какого источника Андреев знает», что С.Ф.Платонов «мог возглавить в нужный момент монархическое движение», последний вынужден был ответить, что А.И.Андреев «об этом мог слышать и знать» только от немецкого профессора Ионаса, «так как он с ним вел, в бытность последнего в Ленинграде, большие беседы». Что же касается каких-то «военных доку-

ментов», о которых ему якобы говорил А.И.Андреев, то С.Ф.Платонов решительно отверг это показание. А о разговоре с С.Ф.Ольденбургом в присутствии А.И.Андреева «на тему о наличии у меня двух актов (вариантов) отречения Николая II-го» С.Ф.Платонов заявил, что помнит его.

Во время допроса 6 июня (док.23) С.Ф.Платонов признал, что сочувствие и активное содействие «сохранению и развитию работ немарксистского направления в негласных кружках историков и в Археографической комиссии» «при диктатуре пролетариата, с господством марксистского понимания истории /.../ по действующим законам» рассматриваются как противоправительственные и контрреволюционные. Оговорка о теоретическо-оппозиционном, а не политическом характере этой деятельности для следствия уже не имела значения. Теперь до признания приписываемого С.Ф.Платонову руководства нелегальной контрреволюционной монархической организацией, связанной с германскими националистическими кругами (последнее как бы вытекало из предыдущих допросов), оставался один шаг.

Однако затем 20 дней никаких официально зарегистрированных следственных действий не производилось. А собственноручные показания от 26 июня (док.24) приблизили к развязке только на полшага. От С.Ф.Платонова, очевидно, потребовали дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему «правые националистическо-монархические круги Германии» рассчитывали на него, «как на лицо, могущее возглавить в нужный момент монархическое движение в СССР». С.Ф.Платонов построил свое объяснение, исходя из формулы: почему «могли рассчитывать». Впрочем, сам ответ позволял следователям, несмотря на такую осторожную оговорку, манипулировать им по своему усмотрению. Ведь С.Ф.Платонов снова признался в том, что по политическим убеждениям он монархист; что, по его мнению, «соввласть лишь переходная форма государственного строя» к конституционному строю «во главе с твердой властью (республиканской)»; что конституционно-монархический строй возможен «лишь при интервенции иностранных государств»; что при «германской интервенции соответствующей кандидатурой на российский престол могла бы формально считаться, по праву старшинства его семьи и по его образованию, кандидатура великого князя Андрея Владимировича». А поскольку и «германские националистическо-монархические круги не верят в прочность соввласти /.../ имеют свои цели, считая соввласть переходной формой государственного строя», стремятся к союзу «Германии с будущей "монархической" Россией», постольку «при решении вопроса» о С.Ф.Платонове «со

стороны немецких националистических кругов» при общности, как следовало из показаний, «политических убеждений», они могли полагаться «на общеизвестные организаторские административные способности и навыки при авторитетности и притягательности» личности С.Ф.Платонова «в кругах русской интеллигенции».

Итак, все было уже подготовлено к тому, чтобы вынудить С.Ф.Платонова к признанию, пока хотя бы частичному, справедливости выдвинутых против него обвинений. Правда, контрреволюционная монархическая организация, которую якобы он возглавлял, не имела пока названия. Выработка его стала очередной задачей следователей ОГПУ. Если арестованные ученые, в том числе С.Ф.Платонов, примут предложенное им название организации, то это означало бы продвижение на последние полшага к развязке.

По замыслу следствия, важная роль при фабрикации «Академического дела» отводилась Н.В.Измайлову. Его, человека близкого к С.Ф.Платонову, бывшего военного, получившего во время Первой мировой войны чин подпоручика, решено было сделать главой военной организации «заговорщиков». Именно с ним следователи начали разрабатывать в последних числах июня 1930 и вопрос о названии «организации».

Н.В.Измайлов еще в начале следствия, 28 февраля 1930, заявил, что целиком разделяет взгляды С.Ф.Платонова «по всем вопросам, так же как не расходится с ним в своем отношении к советской власти». 8 мая, подтвердив свою принадлежность к контрреволюционной организации, возглавляемой С.Ф.Платоновым, он согласился с тем, что «организация эта не имела точно сформулированной и записанной программы, не имела определенного устава, формального членства»¹³.

Без того, чтобы фабриковать программу и устав «организации», следствие, очевидно, могло обойтись, да и дело было это слишком хлопотным и сложным, тем более, что состав арестованных был весьма разнообразен. Непросто было выработать общий устав для таких разных по своим взглядам и убеждениям лиц, как, например, Е.В.Тарле, М.К.Любавский, Н.П.Лихачев или А.Н.Шебунин. Но оставлять далее без названия «организацию», видимо, было невозможно, и 23 июня 1930 следователь начал «работать» с Н.В.Измайловым над вариантами «подходящего названия». Возможно, оно было уже заготовлено в ОГПУ и в ходе следствия только совершенствовалось, а обсуждение с подсуди-

¹³ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.89 и 184.

мым вариантов названия должно было лишь подтвердить реальность «заговора». Но вполне возможно, что именно в ходе допросов следователи выработали название организации, а соответственно и всего дела.

Следственная версия возникновения названия «организации» утвердилась во время допросов Н.В.Измайлова 23-24 июня 1930. 23 июня Н.В.Измайлов показал, что вопрос о названии организации обсуждался между ее членами, и существовали различные варианты: «Союз возрождения свободной России», «Союз обновления России», «Союз борьбы за возрождение родины», «Союз возрождения родины и свободы», «Союз возрождения единой России». «Какой из вариантов был принят как окончательный и был ли принят один из них, или какой-нибудь еще иной, я не могу сказать определенно», — заявил Н.В.Измайлов 23 июня и прибавил, что название организации он «не слышал ни разу в употреблении (по крайней мере, не помню, что слышал когда-либо)¹⁴. Эти показания выглядели явно нелепыми. Н.В.Измайлов, один из руководителей «организации», не знал точно ее названия и даже не помнил, чтобы слышал его когда-либо.

Уже на следующий день, 24 июня, следователь позаботился о том, чтобы показания Н.В.Измайлова носили более определенный характер и содержали более или менее логичные объяснения сказанного им накануне. Показания Н.В.Измайлова 24 июня делятся на две части. Первая часть содержала объяснение конспирации названия. На этот раз Н.В.Измайлов показал, что «передавать кому-либо это название можно было лишь с ведома и согласия или по указанию С.Ф.Платонова», что, как правило, С.Ф.Платонов «сам его сообщал кому считал нужным и в самых необходимых случаях», а за границей «мог сообщать его и Е.В.Тарле». «Я же никому его не сообщал», — добавил о себе Н.В.Измайлов¹⁵.

Первая часть показаний Н.В.Измайлова 24 июня опять поражает своей нелепостью даже с точки зрения элементарной логики. Как мог Н.В.Измайлов сообщать или не сообщать название организации, если он его не знал и не слышал, наконец, какое же название могли сообщать своим собеседникам С.Ф.Платонов или Е.В.Тарле?

Кроме всего прочего, Н.В.Измайлов вдруг упомянул другое название: «Академический центр», как будто бы иногда употреблявшееся «при внутренних сношениях (устных) для обозначения круга членов организации, составленного из академиков и сотруд-

¹⁴ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.275.

¹⁵ Там же. Л.279.

ников Академии наук и других научных учреждений», заметив, что это этот «термин имел практическое, так сказать, неофициальное значение»¹⁶. Напомним, что в показаниях С.Ф.Платонова от 17 января 1930 уже присутствовало понятие «Центр» применительно к организации. Поскольку и в показаниях Е.В.Тарле от 11 и 14 февраля 1930 также говорится о «Центре»¹⁷, можно предположить, что в сценарии ОГПУ первоначально оно было избрано в качестве «рабочего названия». Понятие «Центр» в эти годы было в обиходе ОГПУ и использовалось при фабрикации других процессов-близнецов. В частности, в «Шахтинском деле» были «раскрыты» несколько «преступных центров», в том числе Парижский, Харьковский и Московский. Возможно, что изобретение еще и «Академического центра» позволило бы «пристегнуть», как мы уже писали, «Академическое дело» к процессу «Промпартии»¹⁸. Очевидно, в связи с отказом от объединения процессов решено было поступиться и названием «Академический центр» и изобрести нечто новое.

Название «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» было «выработано» уже в ходе второго допроса Н.В.Измайлова 24 июня 1930. На этот раз его показаниям была придана известная стройность и последовательность. Из протокола допроса следовало, что в начале 1928, весной, «по инициативе С.Ф.Платонова» на отчетном совещании руководящих членов «организации», где кроме самого С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле, С.В.Рождественского, М.М.Богословского и Н.П.Лихачева присутствовал также Н.В.Измайлов, был поднят вопрос о необходимости присвоить «организации» «определенное название». Этого будто бы требовали «увеличение и расширение организации, создание новых ячеек, привлечение к ней заграничных эмигрантских кругов, сношение с иностранными правительствами». «С.Ф.Платонов первый предложил обсудить и принять название "Союз возрождения единой России"», он же «указал, что существующее название эмигрантской монархической партии "Конституционно-монархическая партия"», хотя и «правильно выражает политическое устремление членов организации», слишком «узко» и «не может объединить в себе широкие круги антисоветских групп населения как внутри, так и вне СССР»¹⁹. «Богословский и Рождественский высказались против названия, предложенного С.Ф.Платоно-

¹⁶ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.279.

¹⁷ Там же. Т.2. Л.22, 25об.

¹⁸ Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХХIV.

¹⁹ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.282-283.

вым», — читаем мы далее в показаниях Н.В.Измайлова. «По их мнению название "Единой России" было неприемлемо» как затасканное и скомпрометированное в первые годы гражданской войны. К доводам М.М.Богословского и С.В.Рождественского присоединился Е.В.Тарле. М.М.Богословский «предложил назвать организацию "Союз возрождения Родины и свободы», а Рождественский — "Союз возрождения свободной России", Тарле, насколько помню (а может, кто-нибудь из последних двух), предложил добавить слово "борьбы", т.е. "Союз борьбы за возрождение" и т.д.»²⁰. Далее из протокола допроса Н.В.Измайлова следовало, что к определенному решению на первом совещании его участники не пришли и состоялось три или четыре совещания, специально посвященных названию «организации». Все они проходили в Ленинграде и на первом и заключительном присутствовал М.М.Богословский, приезжавший в Ленинград на Общие собрания Академии наук. М.М.Богословский советовался в Москве с М.К.Любавским и Д.Н.Егоровым, причем М.К.Любавский присоединился к предложению С.Ф.Платонова, а Д.Н.Егоров к предложению С.В.Рождественского. Наконец, на заключительном совещании было принято предложение С.В.Рождественского. Е.В.Тарле предложил внести в название слово «всенародный», оно должно было выражать «надклассовое содержание организации». С.Ф.Платонову было поручено сообщить название «организации» «находившимся в эмиграции политическим деятелям». После возвращения из зарубежной поездки в 1928 он будто бы известил членов «организации», что «убедил эмигрантов в целесообразности и необходимости» именно такого названия, хотя П.Б.Струве был неудовлетворен тем, что в названии «отсутствует понятие государственности и нет признака монархического направления организации»²¹.

Итак, перед нами один из эпизодов фабрикации следственного дела. Показания 24 июня 1930, особенно второй его части, отличаются от показаний 23 июня, и, несомненно, это результат «работы» с последственным, конечно, в отведенные для этого ночные часы.

Выработав в ходе допросов Н.В.Измайлова 23 и 24 июня название «организации», следователи стали внедрять его в протоколы допросов С.Ф.Платонова. Уже 30 июня (док.25) в показаниях С.Ф.Платонова появляется «Всенародный союз (борьбы) [слово «борьбы» почему-то поставлено в скобках. — *Б.А., В.П.*] за возрождение свободной России», и С.Ф.Платонов «призна-

²⁰ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.282-283.

²¹ Там же. Л.283об.-284.

ет», что мог «иметь место» разговор об использовании такого лозунга в «борьбе с большевиками» и что «инициатором такого лозунга надо считать, безусловно, Богословского». В протоколе допроса 1 июля (док.26) «лозунг» превращается уже в «формулу борьбы против большевиков». С.Ф.Платонов вновь подчеркивает, что автором ее был покойный Богословский и ссылается на то, что не помнит всех обстоятельств обсуждения этой «формулы», объясняя свое «запамятование тяжелыми бытовыми условиями того времени: жена была серьезно больна и сам болел гриппом».

Мы не знаем, какие еще дополнительные средства воздействия на С.Ф.Платонова были применены следствием, но 4 июля (док.27) он уже заявил, что Богословский, Лихачев, Рождественский, Тарле и Измайлов — «все сходились» на названии «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» и подтвердил правильность «в основе» показаний Н.В.Измайлова.

И все-таки С.Ф.Платонов и в эти летние месяцы 1930 делает еще попытки противостоять давлению следствия. Неожиданным диссонансом к протоколам допросов выглядят его собственноручные показания 11 августа (док.30). По существу это почти полный отказ от выданных из него «признаний». «"Реставрацию" в каком бы то ни было виде считаю невозможной, — пишет на этот раз С.Ф.Платонов. — Восстановление династии, полагаю, немислимо. "Помещичий строй", по-моему, погиб до революции; класс землевладельцев потерял давно сословный характер и "дворянство" не восстановимо. Мне представляется, что в будущем русский порядок приблизится или к демократической Франции или к общественному строю Скандинавских стран. Чрезвычайную сложность нашей социальной жизни придает процесс колонизации, по моему мнению, разрушающий даже существующие исторически племенные типы и создающий новые этнографические образования. Строить идейно-политическую программу можно, думается мне, на принципе национальности и широкой демократии с широким применением той системы, которую в моей молодости называли "катедер-социализмом" (боюсь ошибиться в современном термине)». И далее: «Я признал, что "вел борьбу с существующим советским порядком", но не называл ее борьбой политической. Она проявлялась в моих выступлениях литературных (книжка "Петр Великий", речи в ученых заседаниях) и деятельности в академических учреждениях (главным образом, в Археографической комиссии). Эта борьба не выходила за пределы противодействия тому "марксизму", который внесен т.Покровским в учено-учебную среду и который я признаю,

безусловно, вредным для роста и даже для существования на прежнем уровне исторической русской науки». В заключение своих показаний С.Ф.Платонов определенно заявил, что кружок, «сложившийся около» него, «организацией не был» и что он не может отвечать за показания Н.В.Измайлова.

Что произошло с С.Ф.Платоновым 11 августа? Он словно проснулся и освободился от гипнотического сна, в состоянии которого был невольным «соавтором» сочинения фантастического сценария, осуществлявшегося в ОГПУ. Однако уже на следующий день, 12 августа 1930 (док.31), короткий протокол допроса свидетельствует о том, что С.Ф.Платонова вернули в обычное русло следственного процесса. Опять появляется «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», правда, теперь как название группы. Еще некоторое время С.Ф.Платонов пытается отрицать существование именно «организации», особенно в собственноручных показаниях. Так, если в протокол допроса 12 августа вписывается фраза о группе «политических единомышленников» С.Ф.Платонова, принявшей решение «о необходимости» ее «оформления на иных организационных принципах, которые придали бы группе характер организованности», в результате чего она получила название «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», то в собственноручных показаниях 14 августа (док.32) С.Ф. предпочел употреблять термины «кружок» или «группа» и сумел избежать самого названия «организации», а общность ее членов определил как «идейно-политическую». В то же время С.Ф.Платонов признал вероятность влияния старших членов кружка, что толкало «наиболее впечатлительных» его участников на создание «организации» и на «работу», хотя «среди старшего нашего поколения /.../ не было /.../ людей способных на практическую работу в чем-нибудь, подобном "организации"». Из числа последних только «в представлении некоторых произошло формирование "организации", в том смысле, что была выявлена программа и выкинут лозунг /.../. Группа договорилась до отчетливого представления своих политических пожеланий (прекращение диктатуры и прекращение партийного мирозерцания)», при отсутствии «веры в реставрацию старого порядка», колебаниях «между монархией и республикой», отсутствии «пиегета в отношении старой династии».

С.Ф.Платонов признал популярность «взглядов старшей группы», оппозиционных, но умеренных и не террористических. Взятые в кавычки им самим слова свидетельствуют о его попытке дезавуировать то признание, к которому его ранее принудили следователи. Более того, С.Ф.Платонов заявил, что не помнит,

«чтобы была выработана определенная программа практических действий "организации", ее состав и управление».

Однако под давлением следователей меняется характер и собственноручных показаний С.Ф.Платонова. Шаг за шагом он оставляет занятые им прежде позиции и принимает версию следователя о постепенном превращении кружка или группы единомышленников в политическую организацию. В этом смысле характерны и собственноручные показания С.Ф.Платонова 2 сентября (док.40), но особенно его заявления в Коллегию ОГПУ 17 сентября - 5 октября (док.58), а также собственноручные показания 10-11 ноября (док.62).

В первом случае документ свидетельствует о готовности С.Ф.Платонова отказаться от дальнейшего «запирательства» в связи с тем, что следствие получило от других обвиняемых «такое количество собственных сознаний» и показаний лично о нем, что его собственные «обличения» уже никому не могли повредить. Оба заявления в Коллегию ОГПУ, по замыслу следствия, очевидно, должны были отразить процесс «расконспирирования» С.Ф.Платонова, с демонстрацией «внутренних переживаний» автора в связи с деятельностью «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Причем во втором заявлении объектом специальных показаний С.Ф.Платонова были сделаны вопросы о взаимоотношении организации с церковью и получении денег за границей. Последний из перечисленных документов (док.62) сохранил следы прямого вмешательства в его композицию и составление заголовков В.Р.Домбровского, его же рукой в заголовок «дополнительные показания С.Ф.Платонова» вписано слово «собственноручные». В.Р.Домбровский не только ставит вопросы подследственному, но правит и «совершенствует» его показания. С.Ф.Платонов подавлен и сломлен. Принудительное «соавторство» приобретает новую форму. В своем заявлении 14 ноября 1930 (док.65) он пишет, что предпочел бы «сделать /.../ устно» дополнения к данным ранее показаниям, «чтобы они вошли в протокол в той форме, какую получают в результате совместного обсуждения. Это потому, — замечает С.Ф.Платонов, — что мои соображения не представляют собою чего-либо твердого и бесспорного, хотя и могут содействовать выяснению дела».

Сохранившиеся в делах пометы на полях, сделанные лицами, наблюдавшими за следствием, дают возможность представить, как они подстегивали и направляли его ход. Очевидно, в октябре 1930 возможность объединения «Академического дела» с другими процессами не утратила еще своей актуальности и на полях протоколов показаний А.И.Яковлева 23 октября было строго

указано: «т.Стромину. Необходимы полные показания об "Кондратьевщине", "Промпартии" (Рамзин) и его участии»²².

Как уже отмечалось, в ходе процесса готовились материалы на случай ареста академиков А.Е.Ферсмана и С.Ф.Ольденбурга. Для этой цели, в частности, были использованы допросы известного географа П.В.Виттенбурга и управляющего делами Академии Д.Н.Халтурина. А.Е.Ферсману ОГПУ намеревалось приписать не только участие в «организации», но и вредительскую деятельность в качестве руководителя экспедиционного дела. В показаниях П.В.Виттенбурга уже был выделен специальный раздел «Организация, руководимая Платоновым, и группа Ферсмана»²³.

На полях показаний Д.Н.Халтурина сохранились замечания. Одно из них относится к 5 июня 1930: «т.Мосевичу. Хитро по форме и робко по существу. Необходимо "копнуть для получения конкретных фактов"»²⁴. Два дня спустя это же лицо вновь выразило неудовлетворение ведением следствия: «т.Степанов. Халтурин "плывет по воле волн, *без руля*". Смазывает значение своих признаний, давая оттенок бессознательности и объективности вредительства со стороны группы Ферсмана. Этим он оставляет лишь "громкие названия" в своих показаниях вроде: организация вредительства и т.д., *выхолащивая по существу*. Такое положение недопустимо и требует исправлений»²⁵.

Итак, перед нами признаки несомненной режиссуры — требования «копать глубоко» и вести дело в строгом соответствии со сценарием.

Следственная группа располагала лишь самым общим, типовым сценарием подготовки процесса, включавшим в себя такие обязательные компоненты, как создание контрреволюционной организации, заговор против советской власти с целью ее свержения, реставрация монархии, связи с эмигрантскими кругами и разведками европейских стран. Этого сценария было достаточно на первом этапе допросов, но следователям предстояло проявить фантазию и «искусство» для того, чтобы развить этот сценарий и придать ему не только внешнюю достоверность, но и определенную индивидуальность, а также соответствующее оформление. Принудительное «соавторство» и полное признание подследственных было единственным способом «оживления» полученного следователями типового сценария.

²² Архив УФСК СПб. и обл. П-65245. Т.9. Л.70.

²³ Там же. Д.12658. Т.4. Л.368.

²⁴ Там же. Т.5. Л.112.

²⁵ Там же. Л.126.

Результатом этого «творчества» стало Обвинительное заключение по следственному делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Оно составило целый том и имело вид отдельной книги с введением и двенадцатью главами, последняя из которых — «Резолютивная часть» — выполняла функцию заключения. Первые три главы были посвящены истории возникновения «Всенародного союза...», его программно-политическим установкам и практической деятельности. В следующих пяти — рассматривались соответственно «сношения» с «германскими националкругами», «французскими политическими кругами», с Ватиканом, «польскими капиталистическими кругами» и «белоэмигрантскими организациями». Затем следовали главы, посвященные подготовке плана интервенции и разведывательной деятельности А.М.Мерварта и его группы²⁶.

Естественно, возникает вопрос, для чего нужны были подобные «художества» и зачем надо было понуждать следственный аппарат напрягать свое «творческое дарование». Не проще ли было теми же методами добиться от подследственных обычного признания необходимых для приговоров фактов. Ответить на этот вопрос трудно и едва ли возможно до тех пор, пока мы не будем знать определенно, какие задачи ставились перед следствием и как должно было разворачиваться «Академическое дело» согласно первоначальному замыслу. Имелся ли в виду открытый процесс и если да, то почему от него отказались, имелось ли в виду объединение «Академического дела» с другими процессами и если да, то почему это объединение не состоялось?

²⁶ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.17.